

К.А. Пахалюк

27-я дивизия в сражениях в Восточной Пруссии (1914-1915 годы)

Период сосредоточения и командный состав

История Первой мировой войны многогранна. За столетие, казалось бы, она рассмотрена со всевозможных сторон, однако в отечественной историографии до сих пор остается множество «белых» пятен. Среди них, как ни прискорбно, – подвиги русских солдат и офицеров. Эта тема уже ранее подымалась на страницах нашего журнала (например, 2010. № 1. «Безликая война» или 2010. № 2 «Русские в Тильзите в 1914 г.»). В предлагаемом очерке будет рассмотрена часть боевого пути 27-й пехотной дивизии (от начала войны вплоть до гибели в феврале 1915 г. в Августовских лесах), которая приняла участие в ряде известных боев на территории Восточной Пруссии, показав чудеса – увы, забытого потомками – героизма¹.

Накануне войны дивизия дислоцировалась у города Вильно. Вместе с 25-й пехотной дивизией (генерал П.И. Булгаков) она входила в состав 3-го армейского корпуса (генерал Н.А. Епанчин), который с началом мобилизации вошел в состав 1-й русской армии генерала П.К. фон Ренненкампа. Начальником 27-й дивизии был генерал-лейтенант Август-Карл-Михаил Михайлович Адариди, известный военный теоретик и писатель, за отличия в годы русско-японской войны получивший чин генерал-майора, а также мундир возглавляемого им тогда 98-го Юрьевского полка. Сослуживец по дивизии капитан Успенский А.А. так отзывался о своем начальнике: «Строгий по службе, вне службы это был обаятельный, простой и милый собеседник, в чем мне пришлось убедиться, когда иногда мы оставались с ним вдвоем по утрам (я заведовал хозяйством, т. е. довольствием всех офицеров на этой полевой поездке), не всегда выезжая в поле»². Начальником штаба оказался полковник Лев Аполлонович Радус-Зенкович, также участник русско-японской войны, в свое время служивший в штабе 3-го корпуса при генерале Ренненкампе. Командиром 27-й артиллерийской бригады являлся генерал Владимир Николаевич Фолимонов, заслуживший в

¹ Подробнее литературу о тех событиях см.: Пахалюк К. Боевые действия в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны. Указатель литературы. Калининград, 2008.

² Успенский А.А. На войне. Восточная Пруссия – Литва. Каунас, 1932. С. 52.

годы русско-японской войны орден Св. Георгия 4-й ст. Дивизия имела в своем составе четыре полка: 105-й пехотный Оренбургский полк (полковник П.Д. Комаров), 106-й пехотный Уфимский полк (полковник К.П. Отрыганьев), 107-й пехотный Троицкий полк (полковник К.К. Орловский), 108-й пехотный Саратовский полк (полковник О.О. Струевич, после гибели в середине сентября – полковник В.Е. Белолипецкий).

С началом мобилизации дивизия была двинута в д. Симно, где к ней были приданы 3-й mortarный дивизион и полусотня Донских казаков. Как вспоминал генерал К.М. Адариди: «К окрестностям города подходил также слабый германский разъезд 10-го конно-егерского полка, но был отогнан казаками... Во время этой стычки сторонами были понесены первые за войну потери: немцы оставили на месте одного убитого, а из казаков один был ранен. Последнего Командующий армией награждал георгиевским крестом и он, таким образом, явился первым по счету георгиевским кавалером в мировую войну»³. Вероятно, здесь имеется в виду подвиг первого георгиевского кавалера К.Ф. Крючкова, который вместе с тремя другими казаками обратил в бегство вражеский разъезд, численностью в 22 германских кавалериста.

Уже 14 августа дивизия начала марш и к 16 августа вплотную подошла к границе. Войскам К.М. Адариди предстояло принять участие в общем наступлении в Восточной Пруссии. Причем 3-й корпус составлял центр 1-й армии. В директиве главнокомандующего Северо-Западным фронтом Я.Г. Жилинского от 13 августа ей предписывалось наступать на фронт Ангербург - Инстербург (т.е. в обход Мазурских озер с севера)⁴, в то время как 2-я армия генерала А.В. Самсонова двигалась на фронт на Зеебург, Растенбург (с юга). Целью стояло разбить противника (как считалось, силою в 3-4 корпуса), «отрезать от Кенигсберга и захватить его пути отступления к Висле»⁵. Причем 1-я армия должна была перейти границу 17 августа и оттянуть на себя вражеские войска, охватив как можно глубже их левый фланг и отрезав от Кенигсберга. Реально же германцы предполагали держать активную оборону силами 8-й армии (командующий генерал М. фон Притвиц) и постараться поодиночке разбить вражеские войска. Восточная Пруссия имела достаточно развитую сеть железных дорог, что позволяло маневрировать. В случае опасности окружения разрешалось даже отойти за р. Вислу, чтобы сохранить армию. Немцы сосредоточили основные силы против войск Ренненкампа в районе р. Ангеррапп.

³ Адариди К.М. Русская армия в Великой войне: 27 пех. дивизия в боях 4 (17) Августа 1914 г. под Сталупененом и 7 (20) Августа под Гумбиненом // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, кн. 8, 1926. С. 163-164

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2106. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.

⁵ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 157.

Наступление в Восточной Пруссии. Бой у Шталлупенена

Во исполнение директивы 17 августа 1-я русская армия перешла границу и устремилась на северо-запад. Успешный набег конницы В.И. Гурко на город Маркграбово 14 августа заставил противника думать, что русские будут наступать в южнее Роминтенской пуцци, а потому около Шталлупенена предположительно должен был находиться их правый фланг. Этим решил воспользоваться командир 1-го корпуса генерал Г. фон Франсуа. Он хотел взять в руки инициативу, нанести неожиданный фланговый удар, смять русские колонны и заставить их отступить. Тот факт, что перед ним окажется целая армия, мало смутил германского генерала, придерживавшегося невысокого мнения о противнике. Эта невероятная самоуверенность чуть не обернулась трагедией, ведь растрачивать силы в мелких боях накануне общего сражения не просто бессмысленно, но и опасно. Да и удар на самом деле пришелся не во фланг, а по центральному 3-му корпусу, который из-за рассогласованности действий несколько выдвинулся вперед.

Особо упорные бои завязались на фронте 27-й пехотной дивизии генерала К.М. Адарида, наступавшей двумя колоннами. Вскоре по переходу границы авангард правой колонны в лице 106-го Уфимского полка полковника К.П. Отрыганьева ввязался в бой у д. Платен. Сам К.М. Адарида находился при правой колонне, весь день руководя действиями подчиненных частей. Вскоре здесь были задействованы основные силы дивизии под командованием генерала А.Е. Беймельбурга (помимо частей Отрыганьева еще 107-й Троицкий полк и 40 орудий). Уже в 11 часов уфимцы взяли укрепленную деревню Допенен, а затем при поддержке троивцев (которые из-за ошибки командира оказались по обе стороны от 106-го полка)⁶ стали развивать наступление на еще сильнее укрепленный Герритен (который, вопреки расхожим мнениям, так взят и не был). Одновременно наступление вела и левая колонна, состоявшая из 105-го Оренбургского полка под командованием полковника Комарова. Без боя взяв Будвейтчен, он был окрылен первоначальным успехом, а потому подтянул главные силы к авангарду и стал продвигаться дальше, содействуя атаке на Герритен. Находившаяся при полку 1-я батарея 27-й артиллерийской бригады развернулась и открыла огонь по Допенену, содействуя атаке Уфимского полка. Неожиданно поручик П. Ясевич (получивший за этот бой Георгиевское оружие) донес, что с юго-запада продвигаются части пехоты. Полковник Комаров предположил, что это части соседней 40-й дивизии, однако на самом деле она отстала, а это выходила во фланг и тыл 2-я германская дивизия генерала Фалька. Посыпавшиеся вскоре снаряды обнаружили ошибку командира оренбуржцев. Невнимательность к флангу привела к трагедии: неожиданная атака смяла 105-й полк, полностью дезорганизовав его.

⁶ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 21.

Однако некоторые подразделения вместо того, чтобы бежать, проявили завидную для первого боя храбрость, вступили в неравный бой с противником. Так, например, 1-я батарея под командованием подполковника А.Ф. Аноева (георгиевский кавалер, один из героев легендарной обороны крепости Порт-Артур) успела развернуться, а капитан Соболевский открыл огонь картечью по подходящим немцам⁷. Вскоре подъехали передки и перед самым носом германцев орудия были вывезены через горящий Будвейтчен, где их, кстати, обстреляли местные жители. Не меньше героизма проявил и героически погибший поручик Н.С. Васильев, младший офицер в пулеметной команде. Получив приказ об отходе, он по собственной инициативе продолжал вести огонь по наседавшему противнику; даже будучи ранен он до последнего не отходил от пулемета⁸.

Однако германцы разгромили оренбуржцев (сам полковник Комаров погиб, стараясь отразить неожиданную атаку), тем самым расстроив все наступление: бегущие солдаты внесли панику в другие полки. Около трех дней отступающие показались в районе уфимского полка, уведя за собою некоторые роты. Через час сообщение о трагедии на левом фланге получил и К.М. Адарида. Тогда же командир 107-го полка полковник Орловский донес о начавшемся стихийном отходе его подразделений, увлекаемых за собою бегущими оренбуржцами. В ответ начальник дивизии из резерва выдвинул 108-й Саратовский полк, которому предписывалось остановить бегство и открыть огонь по противнику. Однако вскоре его командир полковник Струсевич передал, что выполнить первую часть приказа он не может, «не смотря на принимаемые меры вплоть до стрельбы по отходящим»⁹. В итоге дивизию пришлось собирать уже на русской территории. Ее отход доблестно прикрывали саратовцы вместе с 8-й батареей (27-й артбригады), остававшиеся на позиции до конца.

Более удачно развивались боевые действия на фронте соседней 25-й дивизии генерала П.И. Булгакова. Ее 1-я бригада быстро выдвинулась вперед и завязала артиллерийскую дуэль на подходе к Шталлупенену с оборонявшей город 1-й германской пехотной дивизией. В это же время с севера город стала обходить другая русская бригада. А еще правее действовала 29-я пехотная дивизия генерала А.Н. Розеншильд-Паулина, которая также стала нависать над левым флангом противника, несколько раз – безуспешно – атаковав Бильдервейтчен. Вместе с тем положение корпуса фон Франсуа становилось все более и более тяжелым. Несмотря на отдельные тактические успехи, русские нависали над его флангами. В это время М. фон Притвиц еще раз отдал приказ отступить, и корпус начал отходить на Гумбиннен. На следующий день генерал П.И. Булгаков вошел в оставленный Шталлупенен.

⁷ Там же. Л. 3 об.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 22 об.

Как ни странно, Шталлупененский бой, который велся русскими без координации со стороны командующего армией, де-факто стал успехом немцев. Если бы войска Розеншильд-Паулина действовали активнее, равно как находившаяся на правом фланге конница Хана Нахичеванского, то вполне возможно, что корпус Франсуа попал бы в окружение. Общие потери 27-й дивизии составили 63 офицера и 6664 солдата; 1-я армия приостановила наступление, а германцы, что самое важное, окончательно установили истинное направление движения врага. Преждевременный отход немецкой пехоты позволил утром следующего дня частям 29-й дивизии взять у Бильдервейтчена 7 орудий. Также в руках противника германцы оставили 12 зарядных ящиков, 2 пулемета и 82 пленных (общие потери составили около 1200 человек)¹⁰. Вместе с тем остановка русских была не в интересах немцев, которые предполагали заманить противника как можно глубже в провинцию, тем самым растянув его коммуникации, и затем нанести сокрушительное поражение.

Стоит отметить, что трагедия с 27-й дивизией случилась ввиду того, что соседняя 40-я пехотная дивизия отстала, тем самым оголив фланг К.М. Адарида. Еще накануне он пытался, безуспешно, вступить в связь с соседом. Отметим, что и сам левофланговый полк шел без охранения из-за беспечности своего командира. Следует указать и на недостаточно продуманный приказ по армии, который дал 40-й дивизии ту полосу наступления, которую она – увы – не смогла обеспечить. Так или иначе, но в дальнейшем К.М. Адарида старался не повторять подобных ошибок, тесно координируя свои действия с соседом слева (о чем в частности свидетельствует походный журнал). Однако это в будущем, а в итоге столкновения 17 августа дивизия потеряла более 7500 человек. Не будем забывать, что это был первый бой, многие просто не успели привыкнуть к нахождению в боевой обстановке. Вместе с тем относительные успехи на других участках фронта заставили врага к следующему утру отступить.

По ходу оценки боя возникает вопрос: где был сам генерал Ренненкамф, почему он не координировал действия войск и не заставил конницу Нахичеванского выйти врагу в тыл?

Всю ночь между штабами дивизии и корпуса шла активная переписка. Н.А. Епанчин требовал на следующий день (ввиду приказа Ренненкамфа) перейти в наступление, против чего выступал начальник дивизии, указывая на расстройство войск и большие потери. К счастью, к утру немцы отступили. Вероятно, уже в эти августовские дни расхождение в оценке обстановки посеяло первые малозаметные зерна раздора между Н.А. Епанчиным и самостоятельным К.М. Адарида, которые дали всходы через несколько месяцев.

---

¹⁰ Эстрейхер-Егоров Р.А. Империалистическая война 1914-1918 гг. Маневренный период. Ч.2. Гумбинненское сражение (активная оборона в армейской операции). М., 1933. С. 103.

Сражение у Гумбиннена 20 августа 1914 г.

18 августа 27-я дивизия дошла до Допенена. В этот день к ней был придан 34-й Донской казачий полк. 19 августа войска Адарида заняли д. Тракенен (известную, кстати, своим конным заводом), а к исходу дня вышли в район Маттишкемена – Варшлагена. В этот день противник – 8-я немецкая армия генерала М. фон Притвица – решил атаковать войска Ренненкампа. Так началось известное Гумбинненское сражение. Немцы имели превосходство как в пехоте, так и по артиллерии. Более того, они захватили инициативу, а успешный набег германской кавалерии по нашим тылам дезорганизовал на время работу штаба 1-й армии. Упорные бои разыгрались по всему фронту. Немцам удалось разбить нашу правофланговую 28-ю дивизию; на левом фланге они также достигли определенных успехов. Упорные бои разыгрались и в центре, где против 3-го корпуса наступал 17-й корпус прославленного в будущем генерала А. фон Маккензена. На фронте 25-й дивизии генерала П.И. Булгакова весь день велись оборонительные бои, на некоторых участках русские переходили в контратаку. Не меньший напор выдерживала и 27-я дивизия.

Около 7 утра она начала занимать позиции. У Маттишкемена располагались 1-я бригада (105-й и 106-й полки), 2-й артиллерийский дивизион и полурота 3-го саперного батальона. 107-й полк находился у Рудбарчен, а 1-й артиллерийский дивизион с 108-м полком – у Варшлагена. Около 8.15 была получена записка от Струевича, что у охранения начались перестрелки с противником, наступающим густыми цепями. Вскоре бои завязались по всему фронту дивизии.

Уже с 8-ми часов утра, как только 106-й Уфимский полк начал развертываться на позициях у Маттишкемена, противник открыл шквальный огонь, а затем перешел в наступление, которое оказалось отбито. Причем, во время этого боя произошел интересный эпизод. Поручик Бурлак, заметив, как в шагах в 3000 от него немецкая колонна взошла на впереди лежащий гребень, приказал стрелкам своей полуроты 3-й роты (10-15 человек) открыть меткий огонь. Немцы приостановились и легли, тем самым добровольно задержались под нашим огнем, т.е. сделали то, что тактикой строго воспрещается¹¹.

Целый день уфимцы сдерживали атаки превосходящих сил, показав высокую тактическую выучку и отличную стрельбу. Так, около 10 часов густые цепи были замечены против правого фланга (1-й батальон полковника Г.М. Борзинского). Тогда на немецкую колонну обрушился швальный пулеметный и артиллерийский огонь. На ее месте поднялся столб пыли, и как вспоминал очевидец: «когда она разошлась, никакой колонны уже не было, а были только черные пятна, которые напоминали лишь о том, что она здесь была.

¹¹ РГВИА. Ф. 2357 Оп. 1. Д. 521. Л. 35.

Нижние чины даже прекратили на время стрельбу, высунулись из окопов и удивленно смотрели вдаль».

Около 11 часов дня генерал А.Е. Беймельбург, командир 1-й бригады, донес, что левый фланг 25-й дивизии стал отступать. Для обеспечения фланга К.М. Адарида направил два резервных батальона и 4 орудия, чем спас ситуацию¹². А примерно в 14.30. на фронте 108-го полка оказался замечен выехавший на открытую позицию вражеский дивизион, который был в упор расстрелян 1-м дивизионом (27-й артбригады) под командованием Александра Ильясевича (за это он получил Георгиевское оружие). Незадолго до этого противник был потеснен на фронте 25-й дивизии, что командование корпуса восприняло за отход, а потому последовал приказ о преследовании. А в 4 часа вечера командир 108-го полка полковник Струсевич донес об отходе рот соседней 40-й дивизии, однако заверил, что свой фланг может обеспечить сам. На фронте 27-й дивизии бои кипели еще несколько часов. Только примерно в 17.15. вечера немцы предприняли последнюю атаку против Уфимского полка, а затем стали отходить, некоторые подразделения бежали¹³. Отступление (а не паническое бегство всего корпуса, как об этом любят писать некоторые публицисты) по всему фронту произошло только в 18.30. 27-я русская дивизия в ходе недолгого преследования взяла 12 орудий, 25 зарядных ящика, 3 исправных и 10 разбитых пулеметов, 2000 винтовок и около 1000 пленных.

Под вечер М. фон Притвиц, получив сообщение о тяжелом положении на фронте и о том, что 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова уже пересекла границу, неожиданно запаниковал и приказал отступать. Его центральный корпус был разбит, на левом фланге войска оказались сильно измотанными и не могли наступать. Общие потери убитыми, ранеными и пленными превысили 14 000 человек. В противовес квартирмейстер армии Грюнерт и начальник оперативного управления М. Гофман доказывали, что положение благоприятное, и если продолжить сражение, то противника удастся разбить. Но М. фон Притвиц настоял на отходе.

Однако П.К. фон Ренненкампф не преследовал. Первые распоряжения гнать неприятеля он сразу же отменил, за что был подвергнут критике рядом историков. Это вряд ли можно признать обоснованным, ведь войска устали, тоже понесли потери (более 18 000 человек), а тылы были не налажены. Известно, что от победы до поражения – один шаг, а в успехе преследования никто из русских генералов не мог быть уверен, особенно ввиду расхода боеприпасов, а также сложного или неоднозначного положения большинства пехотных дивизий. Хотя русская кавалерия 20 августа отдыхала в тылу и на следующий день

¹² РГВИА. Ф 2357 Оп. 1. Д. 498. Л. 28.

¹³ РГВИА. Ф. 2357 Оп. 1. Д. 521. Лл. 30, 31, 32 об., 35, 36.

могла появиться на поле боя, сомнительно, что она была бы эффективна. С трудом справившись с ландсверной бригадой в бою у Каушена 19 августа, вряд ли те же самые полки могли что-то поделать с таким серьезным противником как корпус Г. фон Франсуа. Более того, Каушенский бой заставляет сомневаться в умении командира конного корпуса генерала Хана Нахичеванского использовать маневренное преимущество.

В сражении под Гумбинненом проявились выучка русских солдат и офицеров, а также эффективность артиллерии, даже несмотря на некоторые недостатки боевых характеристик орудий: нельзя не отметить бессилие нашей 76-мм пушки против хорошо окопавшегося противника, что явствует из одного донесения генерала Лашкевича в штаб корпуса. Меткими оказались наши солдаты и в ружейном огне. Однако стоит признать большое значение субъективного восприятия происходящего со стороны немецкого командующего, что повлияло на его решение об отходе. Вопреки расхожим мнениям, наша победа не была решительной, а сведения о паническом бегстве центрального 17-го корпуса, скорее всего, необходимо причислить к историческим мифам. Однако немецкий план разбить русских по частям провалился. 8-я армия отступила, а русские успехи вогнали в панику генерала Притвица, который вскоре был отстранен от командования.

Следует отметить, что дальнейшие успехи русских войск (продвижение Ренненкампа, наступление 2-й армии генерала Самсонова, который 23-24 августа одержал победу над 20-м корпусом генерала Шольца) оказали тяжелое воздействие на Верховное немецкое командование. Ввиду успехов на западном фронте в ходе Приграничного сражения, оно решило перекинуть два корпуса и резервную кавалерийскую дивизию (высвободившиеся после падения крепости Намюр) на восток, чтобы остановить русское наступление. Это внесло лепту в победу англо-французских войск на Марне, когда был сорван германский блицкриг и развеяны надежды на скорейшее завершение войны, по крайней мере, на западном фронте.

Движение в сторону Кенигсберга, бой у Кляйн Шенау

Простояв два дня на занимаемых позициях, 23 августа 1-я армия двинулась дальше в общем направлении на Кенигсберг, не встречая сопротивления противника. В это время немцы отступали частично на Кенигсберг, частично – на Растенбург, с целью оторваться от Ренненкампа и атаковать на юге провинции 2-ю русскую армию, которая грозила германским тылам. Русская кавалерия доносила об этом движение, однако в штабах были уверены, что противник полностью разбит и готовится сдать провинцию. Массовое

поспешное бегство местного населения лишь укрепляло веру русских военачальников в это заблуждение.

23-го августа 27-я дивизия дошла до Туттельна (в авангарде – 108-й полк), 24-го августа (в авангарде – 106-й полк) – до Ионишкен (охранение же заняло Грабовен), 25-го – до Грюнтанн,¹⁴ а 26 августа Адариди вошел в Алленбург. 27 августа пришел приказ, что армия должна прижать противника к морю. Дивизия же двинулась в Рокельгейм. Отметим, что 27 августа пришел другой приказ, согласно которому 25-я дивизия взяла Тапиау, и Адариди предписывалось оказать поддержку. С этой целью он выделил 106-й полк, 8 орудий и 1,5 сотни казаков и выслал их в общем направлении на Биберсвальде. К вечеру 27 августа эти силы взяли Потерсвальде. Однако 28 августа выяснилось, что Тапиау все же в руках противника. Тогда Адариди приказали двигаться к Биберсвальде – Ци Циммау для обеспечения левого фланга корпуса, а позднее в связи с переходом 4-го корпуса к Прейсиш-Эйлау, дивизию двинули на Кляйн Шенау.

В то время как 1-я армия пыталась прижать к морю потерянного ей противника, германцы на юге Восточной Пруссии разгромили 2-ю русскую армию в сражении под Танненбергском (26-31 августа). Известия об этом заставили Ренненкампа остановить продвижение. После победы германцы стали сосредотачивать силы против него, планируя атаковать левый фланг. Для успеха операции он предприняли ряд мер для введения русского командования в заблуждение. Среди них – демонстративное наступление главного резерва Кенигсберга (до пяти ландверных полков вместе с легкой и тяжелой артиллерией) на фронте 27-й пехотной дивизии.

В районе Кляйн Шенау в первой линии располагались части 108-го Саратовского и 106-го Уфимского полков под общим командованием генерала А.Е. Беймельбурга на достаточно широком для них фронте в 3 км. Еще 31 августа из района севернее Швенау была оттеснена гвардейская кавалерия, которая отошла к Фридланду. В связи с этим 27-ю дивизию усилили двумя батальонами 99-го Юрьевского полка.

На следующий день 1 сентября немцы выбили из Швенау батальон саратовцев, а затем их тяжелая артиллерия обстреляла Кл. Шенау. Однако в ответ наш 1-й дивизион 27-й артбригады полковника А.М. Ильяевича открыл огонь по обнаруженной у Швенау колонне противника, которая благодаря меткости артиллеристов была рассеяна. Противник потом еще раз пытался перейти в атаку, но был остановлен¹⁵. Здесь отличился подпоручик Фуссган из цепей 106-го полка, который вел корректировку огня.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 32.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 40 об.

2-е сентября началось с огня немецкой легкой и тяжелой артиллерии, а затем продолжилось бесплодными атаками против левого фланга. Бесплодными – ибо германцы разворачивались так далеко от русских позиций, что русская пехота фактически не приняла участия в бою, т.к. всю работу за нее сделала наша артиллерия. Сначала 1-й дивизион вел огонь по окапывающему противнику у д. Швенау, затем остановил две вражеские колонны (от Зоммерфелде и Лизетенфельде), которые несколько раз пытались перейти в атаку. Меткость огня оценило и русское начальство. Так, в 11.30 утра от А.Е. Беймельбурга поступило сообщение: «Противника сильно поражаешь нашей артиллерией. Снаряды ложатся отлично»¹⁶.

Уже за полдень русская артиллерия заставила замолчать обнаруженную вражескую батарею (хотя та в свою очередь на время смогла нарушить связь между батареями нашего дивизиона). В 14.15. огонь был приостановлен, чтобы рота саратовцев могла взять брошенные орудия, однако ее остановили ружейным огнем. Примерно в это же время на поле боя появилась германская кавалерия, но несколько залпов заставили ее ретироваться. К 16.00. германцы окончательно отказались от идеи атаковать и отступили. Теперь Беймельбург приказал открыть огонь по тяжелой вражеской батарее, которая вскоре замолчала. Были попытки организовать контратаку, однако соседняя бригада из 40-й дивизии отказалась содействовать ввиду отсутствия соответствующего приказа. Так что взять никаких трофейных пушек не получилось, разве что два задних хода зарядных ящиков 82-го легкого артиллерийского полка¹⁷. За два дня было выпущено 5000 снарядов. Наши же потери: убито 30 человек, ранено 10, без вести пропали 30; в батальонах 99-го полка - убито 2 и ранено 6. По словам немецкого пленного медика, через его руки в эти дни прошло 300 пехотинцев. Как потом писал участник этих событий полковник В.Е. Белолипецкий: «Лес в бою обнаруживает большую притягательную силу для войск как укрытие от взоров и выстрелов противника и часто этим оказывает вредное влияние на действия войск... Немцы развернулись на опушке большого леса и, встреченные огнем русской артиллерии, все время в него возвращались, вместо того чтобы собраться с духом, сразу отбежать от него на большое расстояние и продолжать наступление»¹⁸.

Отход из Восточной Пруссии

В начале сентября Ренненкампф приготовился к обороне, оттянув все силы несколько назад. Так, 27-я дивизия оказалась за р. Алле в районе города Алленбурга, где заняла

¹⁶ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 46 об.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 43 об.

¹⁸ Белолипецкий В.Е. Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах 1915 г. М., 1940. С. 103.

позиции к утру 4 сентября. Несколько дней прошло более-менее спокойно. 6 сентября немцы на автомобилях с пулеметами потеснили наши части сторожевого охранения – 7-ю роту 99 полка, а на следующий день обнаружилось наступление противника от Домнау на Фридланд, который был занят немцами¹⁹.

9 сентября противник атаковал. На фронте дивизии, в общем, весь день шла артиллерийская дуэль. Вечером пришел приказ об отступлении. Однако более серьезные бои шли на фронте соседней 25-й дивизии у моста напротив Алленбурга. Для его охраны был создан отряд капитана А.А. Успенского из роты и команды саперов 106-го Уфимского полка, команды разведчиков 107-го Троицкого полка и 6 орудий из 27-й артиллерийской бригады. Особо тяжелым было то, что командование не выделило пулеметов, боясь, как бы те не попали в руки врага.

Вечером 8 сентября, когда вся армия переправилась за реку, завязались первые перестрелки. Но сам бой начался на следующий день с подходом основных частей немецкого Гвардейского резервного корпуса генерала Гальвица. Команда разведчиков под командованием поручика Ивана Зубовича доставляла верные сведения о противнике, что дало возможность нашей артиллерии обстрелять его и остановить. Благодаря хорошо проведенным инженерным работам противник вел огонь «вслепую» и поэтому потери в отряде были минимальны. Даже генерал Гальвиц отмечал: «Окопы противника, искусно расположенные на покрытых кустами холмистых берегах р. Алле, были едва заметны. Их батарею мы не могли открыть... Нам еще не доставало опыта, чтобы овладеть такими позициями»²⁰.

Во второй половине дня германцы предпринимали бесплодные атаки, шли на хитрости и даже запустили аэроплан. Вечером была получена информация о том, что противник подбирается к мосту по долине реки, тогда А.А. Успенский решил отвести отряд. Когда немцы увидели, что наши не стреляют, то направились к окопам. Взвод подпрапорщика Карпенко подпустил их довольно близко и открыл огонь. Часть германцев полегла, другая разбежалась. В итоге, всему отряду удалось переправиться через реку. Общие потери составили 57 человек. За этот бой капитан А.А. Успенский был произведен в подполковники, правда, приказ об этом вышел летом 1915 г., а в 1916 году был представлен к ордену Св. Георгия 4-й ст., но награждение, к сожалению, не произошло.

В это время основные силы 8-й германской армии обрушились на наш левый фланг, где особо героически вел себя 2-й корпус генерала В.А. Слюсаренко. Его героизм в

¹⁹ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 46, 48 об.

²⁰ Гололобов М. Бой отряда капитана Успенского у Алленбурга // Рейтар. 2006. № 6. С. 214.

совокупности с мерами Ренненкампа по усилению этого направления позволили армии избежать окружения.

Из Восточной Пруссии 27-я дивизия отступала с арьергардными боями. 10 сентября пришел приказ отойти на Эсцеротшен – Иодлаукен. Особенно серьезных столкновений с врагом не было. Лишь около 2 часов дня у Баккельн охранение вело бой с конным отрядом, однако было обойдено и вынуждено отойти. Однако уже в этот день появились первые сложности в организации взаимодействия с соседней 40-й дивизией.

Утром 11 сентября обнаружилось, что противник вел ночные атаки против соседнего 4-го корпуса генерала Алиева, а потому корпусной резерв в виде 100-го полка пришлось передвинуть на Друтшлаукен. Одновременно Струсевиц (108-й полк) донес, что противник атаковал его и стал охватывать левый фланг. Для ликвидации прорыва на Неммесрдорф был направлен 105-й полк с батареей. Противник продолжал насесть на саратовцев, но все атаки удалось отбить. Положение полка облегчил 105-й полк, который вышел немцам во фланг и открыл огонь. В ходе боя был смертельно ранен сам полковник Струсевиц. В 6.20 утра получен был приказ об отходе на линии Ангерапп. Паники при отступлении в войсках не было, но дух был подавлен. В 3 дня Адариди и штаб прибыли к Неммесрформу и им потребовалось много времени разгрузить затор из обозов всякого рода: 20 мортирный дивизион, 112-й полк, полки 29 и 40 арт. бригады, дивизионный обоз и лазарет 28 пех. див. и дивизионный обоз 40 пех. дивизии.²¹ Все это показывает, в каком беспорядке и с каким трудом отходила 1-я армия и почему в итоге она фактически потеряла управление. После окончания отступления из Восточной Пруссии еще некоторое время начальники не могли восстановить контроль над вверенными частями.

К утру 12 сентября дивизия расположилась в районе Тракенен – Калпакен, с задачей оборонять эти деревни. Затем пришел приказ обороняться по линии Тофмлан – Калпакен. Адариди принял решение не перемещаться, а лишь растянуть линию обороны до Тофмлана. Обстановка ухудшалась. Вскоре было получено донесение, что противник занял Гумбиннен и обстреливает наши обозы, отходящие на Шталлупенен. А где-то в 13.30. пришло сообщение из 40-й дивизии, что она согласно приказу отходит и обнажает тем самым фланг 27-й дивизии (еще одно свидетельство в пользу того, какой хаос творился в управлении соединениями). В это время шел арьергардный бой у д. Калпакен. Причем здесь произошел следующий эпизод. Соседом Уфимского полка был 97-й Лифляндский полк 25-й дивизии. Как только в 14.00. он занял позиции, немцы открыли шрапнельный огонь. Около 3.30 лифлядцы получили приказ об отходе. В это время кто-то из уфимцев решил, что он распространяется и на их часть, и потому некоторые роты стали самовольно отходить назад.

²¹ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 56.

Дело спас полковник Борзинский, который с револьвером выбежал и вернул солдат обратно²². Вечером 12 сентября по телефону позвонил начальник штаба корпуса Чагин и приказ немедленно отступить²³. Шталлупенен и все прилегающие деревни горели, а все шоссе были забиты повозками обозами в 4-5 рядов. Хвост обоза находился в горящем Шталлупенене, оттуда неслись крики: «Вперед, парки горят». Около 12 ночи штаб дивизии прибыл в Вержболово.

Отступление частей армии шло в огромной спешке, причем из-за непродуманности отхода тылы перемешались, вызвав гигантские заторы из обозных повозок, что затрудняло передовых частей. Однако твердость К.М. Адарида (иногда ему самому приходилось заниматься расчисткой дорог от обозов) позволила его частям отойти в полном порядке (что является достижением, учитывая то, что многие другие соединения рассыпались и перемешались). Успехи К.М. Адарида в боях в Восточной Пруссии отметил и непосредственный начальник Н.А. Епанчин, по представлению которого начальник 27-й дивизии был награжден орденом Св. Анны 1-й степени с мечами²⁴.

Первая августовская операция и Второе наступление в Восточной Пруссии

К 22 сентября 27-я дивизия заняла оборону по Неману (от Наравы до Яцкевичи). В это время германцы поспешили на помощь разбитым австро-венгерским союзникам, решив нанести удар в западной Польше, а потому восточно-пруссский фронт стал второстепенным. Дабы прикрыть переброску основных сил из Восточной Пруссии немцы решили 26 сентября атаковать позиции русских 1-й и 10-й армий по р. Неману. Те перешли в контрнаступление с целью освободить Августовские леса. Основная тяжесть легла на 10-ю армию генерала В.Е. Флуга, в то время как ее соседу предписывалось просто содействовать. 29 сентября наступление начала и 27-я дивизия. К вечеру она взяла Шлаванты. Тогда же было получено сообщение от командира соседней 28-й дивизии генерала Лашкевича, что он ведет бой у Дзяковщизны, а потому Адарида решил помочь наступлением на Бомбеники, однако из-за плохого состояния дорог оказать помощь не удалось. 30 сентября опять пришла просьба о содействии от Лашкевича, ведущего бой у Симно. После разрешения командира корпуса Епанчина 107-й полк и 16 орудий были направлены на Новиники, однако вечером пришло донесение, что противник отошел от Симно. 2 октября 27-я дивизия вошла в Мариамполь.

К этому времени противник был выбит из Августовских лесов, а русские армии увязли в позиционных столкновениях на границе с Восточной Пруссией. С 5 октября начались

²² РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 54.

²³ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Лл. 59-60.

²⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 785. Л. 32 об.

томительные позиционные бои в районе д. Поевонь, окончившиеся безрезультатно - продвинуться вперед так и не удалось. А 7 октября у д. Подбарек 107-й полк был вынужден отразить контратаку, в ходе которой понес большие потери (в 1-м батальоне осталось только 4 офицера). В это время тяжелые бои шли на правом фланге корпуса в районе Ширвиндта, где к 12 октября находившийся здесь Кроненский отряд потерпел существенное поражение.

После того как 25 (12) октября 1914 года управление 1-й русской армии было перекинута на Вислу, оставшиеся корпуса вошли в состав 10-й армии генерала Ф.В. Сиверса, которая получила неофициальное наименование «восточно-прусской». Командующий решил развить наступление вглубь провинции путем фронтальной атаки, что вылилось в множество мелких боев по всему фронту. Так, 29 октября 27-я пехотная дивизия сосредоточилась у д. Новиники, откуда ей предписывалось начать наступление в направлении сильно укрепленной д. Копсодзе в обход правого фланга Вержболовской группировки противника, основу которого составлял 1-й германский корпус.

Несмотря на упорство и героизм атакующих, всё 30 октября прошло в тяжелых и безуспешных атаках. Причем немцы смогли вести успешный огонь по центральному 106-му Уфимскому полку полковника К.П. Отрыганьева из-за того, что соседний 107-й Троицкий полк не вошел в связь с его правым флангом. Видя бесплодность наступления, К.М. Адариди решил применить «военную хитрость» – предпринять ночную атаку, которую назначили на 3 часа ночи 31 октября. Согласно плану, 107-й Троицкий полк полковника Орловского должен был овладеть окопами у д. Шаки, уфимцам приказывалось взять Копсодзе. Одновременно 108-му Саратовскому полку предписывалось обеспечить наступление с левого фланга, взяв высоту 71,6²⁵.

Однако никакой хитрости не получилось. Немцы узнали о готовящейся атаке, в результате Троицкий полк, наступавший в болотистой местности, попал под обстрел и отступил, потеряв 14 человек убитыми, 25 пропавшими без вести (включая подполковника Смирнова) и 37 ранеными. Вместе с тем саратовцы под командованием полковника В.Е. Белолипецкого выполнили задачу, а уфимцы сумели-таки ворваться в Копсодзе. Вернее, это сделал левая колонна, состоявшая из 2-го и 3-го батальонов; другая же перейдя болото, попала под артобстрел и отошла. Причем в самом Копсодзе уфимцы также были встречены огнем, который кстати еще и помешал подойти 1-му батальону полковника Г.М. Борзинского. Однако несмотря ни на что прорвавшиеся вперед уфимцы держались весь день, упорно отбивая атаки наседающего врага и находясь под сильнейшим огнем.

²⁵ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 158. Л. 98 об.

В полдень командующий 4-м батальоном капитан Гедвилло донес, что 15-я рота подпоручика Жука и полурота 14-й роты подпоручика Затрапезнова при двух пулеметах (подпоручик Кострица), перейдя во время ночной атаки болото, подошли к Копсодзе шагов на 150 и окопались²⁶. Однако долго держаться они не могли, а потому последовал приказ отойти. За этот день уфимцы потеряли 29 человек убитыми, 20 ранеными и 42 без вести пропавшими. Именно к этому времени относится подвиг одноглазого поручика Н.Н. Нечаева, который во главе пулеметного расчета сумел занять один из домов на горке вблизи вражеского расположения и оттуда открыл почти что фланговый огонь по германцам, что не позволило им в ходе преследованиях ворваться к нам в окопы.

Командование первоначально хотело повторить атаку на следующий день, но вскоре отменило приказ, учтя усталость войск и потери (особенно в офицерском составе). Несмотря на то, что бои у Копсодзе окончились неудачно, они остаются для нас ярким примером беззаветного мужества и храбрости русских солдат и офицеров, даже в тяжелую минуту делавших все от них зависящее, дабы выполнить приказ.

Несколько дней части К.М. Адарида оставались на месте, однако уже 6 ноября германцы сами снялись с Вержболовской позиции. На следующий день было назначено преследование.

Ранним утром 7 ноября части 27-й дивизии генерала К.М. Адарида перешли границу. Центральный 106-й Уфимский полк полковника К.П. Отрыганьева занял Герритен. Немцы сразу же открыли огонь, однако он пришелся по обозу, который по приказу командира полка укрылся в ложнине. Основные же силы (при поддержке двух батарей) двинулись дальше на Гавенен, где наткнулись на врага и вступили в бой. Одновременно левофланговый 108-й Саратовский полк полковника В.Е. Белолипецкого у Киссельна столкнулся с бригадой конницы. Примерно в то же самое время против правого фланга была замечена вражеская колонна силой в полк, которую штаб дивизии решил атаковать, приказав 1-й батарее 27-й артбригады обстрелять ее. Командование было убеждено, что против дивизии нет крупный сил, а конница прикрывает общий отход²⁷.

Однако вскоре выяснилось, что силы противника явно преуменьшены. На самом деле против левого фланга русских располагались 1-я кавалерийская дивизия. «Замеченной колонной» были части усиленной 9-й ландверной бригады и ландверной дивизии Кенигсберга, а против Отрыганьева находилась 1-я резервная дивизия, которая неожиданно бросилась вперед и взяла Герритен, тем самым вклинившись в центр русского наступления.

²⁶ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 72.

²⁷ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 106.

Одновременно германцы повели атаку и против нашего правого фланга 105-го Оренбургского полка. Несмотря на искусное командование со стороны его командира полковника Рейхнера, его части вскоре были вынуждены податься назад, а начальнику дивизии пришлось спешно задействовать резервы. Также для ликвидации прорыва в центре К.М. Адарида бросил два батальона 107-го полка. Кроме того, в соседнюю (справа) бригаду Яновского (25-я дивизия) было послано сообщение с просьбой о содействии. К сожалению, эти части отстали, вели разрозненные бои (так, ближайший 291-й полк находился у д. Дееден) и оказать помощи так и не сумели.

В 13.30 немцы снова повели атаку на наш правый фланг и стали теснить оренбургский полк. Только последние дивизионные резервы, подоспевшая артиллерия и штыковые атаки заставили противника остановиться. В итоге в 14.00. дивизия растянулась в одну тонкую линию на фронте 10 км. Однако и сам противник выдохся.

В центре К.П. Отрыганьев продолжал вести упорный бой (за который будет награжден Георгиевским оружием). На левом фланге героями выглядели и саратовцы. Упорно сражался 1-й батальон подполковника Савинова, который перешел в наступление и переправился через р. Писсу, однако вскоре порыв затих. Отличился в этом бою и казачий сотник Унгерн-Штернберг, который весь день наблюдал штаб немецкого отряда у Милюнена. Во второй половине дня он донес о попытке врага направить резервы, чтобы вклиниться в промежуток между батальонами в центре, благодаря чему германцев здесь вскоре ждал 2-й батальон с пулеметами. Примерно в 17.00. Унгерн-Штернберг передал, что немцы речкой пытаются прорваться к нашим батареям, у которых к тому времени находилось лишь 5 нижних чинов и 5 офицеров под общим командованием полковника Белоногова. Несмотря на грозящую опасность они продолжали отстреливаться до последнего, и плен казался неминуемым, как в последнюю минуту сюда прибыла направленная командиром полка 15-я рота, которую поддержали атакой по собственному почину роты штабс-капитанов Александровича и Королева.

Решающие же события произошли в пятом часу на правом фланге, где противник возобновил атаки, сбив подразделения 105-го и 98-го полков. Тогда же штаб дивизии получил сообщение об отходе частей Яновского, а потому пришлось отходить на прежнюю позицию у д. Новиники.

Потери были большими. К примеру, согласно донесению командира, 105-й полк потерял до 75% офицеров и нижних чинов (всего в его составе остались 21 офицер и 496 нижних чинов)²⁸. Потери у Отрыганьева составили 373 убитыми, 142 ранеными и 363

²⁸ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 17 об.

пропавшими без вести (на начало боя полк насчитывал около 3000 человек)²⁹. Однако положение немцев было не лучше. Сразу же после боя с фронта сняли 1-ю резервную дивизию, а потому 9 ноября корпус начал планомерный отход. Уже 13 ноября Герритен снова оказался в руках русских. Ныне же единственным напоминанием о том бое является братская могила, где упокоено 601 русский и 196 немецких воинов. В 2002 г. на собственные средства местный священник о. Георгий (Бирюков) здесь установил памятный крест.

Отход дивизии к д. Новиники, предпринятый генералом К.М. Адаридами под воздействием тяжелой обстановки, спровоцировал его отстранение от командования (а затем и отставку). Причем командир корпуса Н.А. Епанчин утверждал, что начальник дивизии просто бежал с поля боя. Дальнейшее судебное разбирательство постановило, что К.М. Адаридами не оставлял своих частей в тяжелый момент, и не нашло в его действиях какой-либо вины.

Во второй половине ноября дивизия с небольшими столкновениями продвигалась вглубь провинции. Так, 16 ноября она заняла Зодинелен, а 20-го вошла в Скроблинен. 27-го ноября вся 10-я армия снова перешла в наступление, в результате которого удалось немного продвинуться вперед. Так, 107-й полк взял Ней-Майгунишкен. А в ночь на 29 ноября была отбита высота 90 восточнее Альт-Майгунишкен. В декабре положение дивизии фактически не изменилось, она весь месяц простояла на занимаемых позициях, имея отдельные стычки с неприятелем.

Бой у Махарце и гибель дивизии

На начало 1915 г. 10-я русская армия была вытянута в одну линию без резервов, с большим недокомплектом и проблемами со снабжением. Причем против нее немцы начали сосредотачивать крупные силы. В итоге образовалось две армии – 8-я и 10-я, которые 7 февраля перешли в наступление, нанося мощные удары по русским флангам. Если на левом фланге с трудом, но удалось организовать оборону, которая сдержала наступательный порыв, то правифланговая Вержболовская группа, измотанная предыдущими боями у Ласденена, быстро отскочила в Ковно, боясь полного разгрома. Более того, из-за неполного понимания обстановки с отступлением произошла задержка в центре, в результате германцы смогли выиграть пространство и время, которого хватило выйти во фланг и тыл 20-му русскому корпусу генерала П.И. Булгакова. К 21 февраля он почти полностью был разгромлен в Августовских лесах (общие потери составили до 20 000 человек). Несмотря на

---

²⁹ Там же. Л. 88.

то, что эта трагедия является одной из наиболее известнейших, не многие знают детали героического отхода 20-го корпуса и всех боев, происходивших в этот период. Среди них - бой под Махарце, который произошел 16 февраля 1915 года и может считаться символом мужества и героизма русских офицеров и солдат.

Вечером 10 февраля (по новому стилю) части 20-го корпуса (27-я, 29-я и 53-я дивизии) генерала П.И. Булгакова начали отход из Восточной Пруссии. Им пришлось выдержать ряд арьергардных боев, и вскоре они оказались в Августовских лесах. Здесь достоин упоминания героический бой 12 февраля у д. Грюнвальде, когда 106-й Уфимский долгое время отражал натиск противника. Немцы стреляли из легких гаубиц, русские же не имели здесь артиллерии вообще. Однако меткий огонь вели наши пулеметы, которые долго мешали врагу прорваться. Через несколько жарких часов в морозный февральский день противнику все же удалось обойти оба наших фланга, и только тогда командир полка принял решение отступать. А делать это приходилось под прикрытием по-прежнему эффективного огня пулеметов и роты солдат. Героем этой обороны стал уже упоминавшийся одноглазый поручик Нечаев. Даже будучи ранен в живот, он продолжал руководить боем, причем не позволил команде вынести себя, чтобы не прекращать обороны. Его взвод сражался до последнего, когда не были убиты все наводчики, а все патроны не оказались растрочены. Только тогда Нечаев разрешил отступать, при этом слабеющей рукой крестил солдат. Это были его последние минуты. Геройская смерть не была напрасной: уфимцы в этот день смогли выйти из грозившего им окружения. Видимо, именно об этом подвиге писал начальник штаба дивизии полковник В. фон Дрейер: «Рота эта держалась до 7 вечера, расстреляв все патроны, доблестно выполнив приказ: «Не отходить ни под каким видом на шоссе, дабы дать ген. Беймельбургу возможность им воспользоваться для движения».³⁰

15 февраля боковой отряд 20-го корпуса генерала М.И. Чижова неожиданно выяснил, что отход на северо-восток закрыт. В районе д. Тоболово он натолкнулся на множество немецких разъездов. В действительности, 21-й корпус 10-й немецкой армии смог далеко зайти в русские тылы, готовясь загнать в мешок сразу два русских корпуса (20-й и 26-й). Начальник штаба 27-й дивизии полковник В.Н. фон Дрейер посоветовал не менять пути отхода (т.е. двигаться в сторону г. Августова), а попытаться прорваться по прежнему маршруту, атаковав деревни Махарце и Серский Ляс. Генерал П.И. Булгаков это предложение одобрил, в итоге выполнение оказалось поручено частям слабой 27-й дивизии, которой на поле боя командовал полковник В.Е. Белолипецкому (командир 108-го Саратовского полка). Задача последнему была поставлена командиром корпуса весьма

³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 149. Л. 9 об.

кратко: «Для спасения чести русской армии и 20-го корпуса надо выбить немцев из Махарце»³¹.

Изначально предполагалось, что со стороны Тоболово эту атаку поддержат части 29-й пехотной дивизии, но из-за усталости и организационных проблем этого сделать не удалось. Стоит отметить, что в действительности силы 27-й дивизии не превышали половины штатного состава. До этого солдаты наступали в тяжелых погодных условиях, выполняя ночные марши, что еще больше изматывало личный состав. Полковник В.Н. фон Дрейер описывал те дни: «В темную непроглядную ночь, по единственной отвратительной дороге, с крупным подъемами, в гололедку, а местами через снежные заносы и провалы, двигались орудия, повозки и люди. Рвались построения, ломались дышла и стрелы, падали на каждом шагу лошади, потом все это догоняло свои части поневоле производило в колонне перемешивание пушек, людей, повозок, зарядных ящиков».³² Капитан А.А. Успенский вспоминал: «Голод, изнурение от бессонницы усталость отнимали последние силы у офицеров и солдат. Прямо не верится, но многие из нас на ходу спали... При малейшей остановке почти все валялись на снег и засыпали нервным сном, вскакивая и иногда спросонок безумно крича. В глазах стоял туман, в голове кошмар...»

Силы дивизии были на исходе, но это не стало поводом для сдачи в плен.

Непосредственно 3 февраля на правом участке атаковало два батальона 108-го Саратовского полка, на левом – 106-й Уфимский полк К.П. Отрыганьева, который был сведен в один батальон силой до тысячи человек с добавлением нескольких рот 105-го Оренбургского полка. Из артиллерии оказались задействованы три батареи (5-я, 3-я и 2-я) 27-й артбригады. Еще два батальона саратовцев находились во втором эшелоне. Правда, в районе атаки неожиданно появился 1-й батальон 334-го Ирбитского полка (вернее, его 3 роты), который был отдан К.П. Отрыганьеву. Также полковник В.Е. Белолипецкий разместил все пулеметы в стрелковой цепи, что ранее не делалось. Это нововведение, основанное на опыте немцев, оказало серьезное влияние на успех. Данные о составе немецких войск расходятся, однако наиболее вероятными являются сведения о трех полках свежей 42-й пехотной дивизии.

В 7 часов утра 3 февраля наши слабые части атаковали дд. Серский Ляс и Дальний Ляс, занятые 138-м германским полком. Наступление проходило под умелым командованием полковника В.Е. Белолипецкого и при активной поддержке нашей артиллерии, где особо отличилась 5-я батарея полковника Пржигодского³³. Также немало сделал и штабс-капитан

³¹ Белолипецкий В.Е. Указ. соч. 1940. С. 43.

³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 149. Л. 10 об.

³³ Там же. Л. 13.

Шеповальников, который переезжая с орудием с места на места (при содействии полковника В.Н. фон Дрейера) расстреливал врага картечью, причем ведя огонь не только по пехоте, но и по орудиям.

Около 10 часов неизвестные силы противника были замечены южнее разворачивавшихся событий (у оз. Белое) и для того, чтобы они неожиданно не ударили в тыл или во фланг В.Н. фон Дрейер двинул на шоссе южнее Серского Ляса две роты уфимцев и одно орудие штабс-капитана Шеповальникова. К счастью, немцы оттуда в этот день так и не появились. Скорее всего, это был 131-й полк. Его командир не имел представления, что здесь находятся крупные силы врага, а потому на штабной машине выехал прямо к русским позициям у д. Дальний Ляс, где был обстрелян и пленен.

В это время развивалось наше наступление, в десятом часу Серский Ляс оказался взят. Причем стоит отметить действия полковника К.П. Отрыганьева, который шел в атаку на линии поддержки вслед за своими солдатами, воодушевляя их. Его адъютант штабс-капитан Цихоцкий пытался предостеречь: «Господин полковник! Поберегите себя, здесь уже цепи», на что получил ответ: «Если Вы боитесь, не идите за мной!». Как писал участник событий полковник В.Н. фон Дрейер: «командир 106-го полка полк. Отрыганьев двинув все в боевую часть, шел непосредственно сзади на линии поддержки, смело по шоссе, своим примером воодушевляя солдат».³⁴ Этот бой стал последним для героя-уфимца, который был (как потом оказалось смертельно) ранен в ногу и сдал командование полковнику Соловьеву.

После первого успеха под общим командованием В.Е. Белолипецкого наши солдаты повели наступление на д. Махарце, занятую тремя полкам 42-й дивизии. Причем штабс-капитан Меленевский объединил по своей инициативе роты 4-го батальона Саратовского и Ирбитского полков и перейдя полу замерзшее озеро Сервы атаковал во фланг противника, занимавшего Махарце. Видя наши цепи, пленный полковник воскликнул: «Вероятно, это наступает русская гвардия?» и был удивлен, узнав, что здесь лишь усталые армейские полки³⁵.

Неожиданная атака заставила противника бежать. Махарце была взята примерно в 15.00. В итоге измученные остатки нескольких полков не только разбили врага, но и захватили около 1000 пленных, 13 орудий, отбили 2 своих, а также 9 пулеметов. Причем, как следовало из найденных документов, бежавшая немецкая дивизия должна была в ближайшие дни завершить окружение русских частей в Августовском лесу. В итоге, этот план был сорван, а геройские действия наших войск позволили выйти из готовящегося котла соседнему 26-му корпусу. К сожалению, это не удалось сделать войскам генерала П.И.

³⁴ Там же.

³⁵ Белолипецкий В.Е. Указ. соч. С. 52.

Булгакова. Несмотря на храбрость и талант многих офицеров, они лишь продлили свою агонию и в полной мере воспользоваться успехами от победы не сумели. Жаль, что во главе дивизий и в штабах находились не столь смелые люди, что геройски атаковали противника под Махарце. Сюда уже спешили другие немецкие части. После упорных боев через 5 дней лишь немногие подразделения сумели прорваться, остальным пришлось либо погибнуть, либо попасть в плен. Однако это не уменьшает того подвига, который совершили русские солдаты своей отчаянной атакой по немецким позициям, из последних сил сопротивляясь врагу и заставляя его отступить под напором своей дерзости.

За период боевых действий в Восточной Пруссии или на ее границе 27-я пехотная дивизия сумела одержать ряд побед. Некоторые из них (как например, у Кляйн Шенау или у Алленбурга) не имели серьезного значения; другие (бой у Маттишкемена 20 августа) оказали серьезное влияние на исход целого сражения, которое имело широкие последствия на всем театре военных действий; третьи (бой у Махарце) могут по праву войти в галерею славы Русского Оружия. Важно отметить роль отдельных личностей в ходе тех или иных боев. Умение учиться на собственных ошибках, готовность действовать жестко и решительно помогли К.М. Адариди добиться успехов в Гумбинненском сражении, а также избежать потери контроля над частями во время отступления из Восточной Пруссии. Не повторяя вышесказанного, еще раз назовем фамилии полковников Орловского, Борзинского, Белолипецкого, Отрыганьева, капитана Успенского, решения которых в сложный момент позволяли добиться успехов или избежать крупных неудач. О значении офицеров и принимаемых ими решений в условиях боевой обстановки говорит и то, что отдельные ошибки могли иметь весьма пагубные последствия (как например, в бою под Шталлупененом). Нельзя отметить и рядовой состав, который неплохой выучкой и меткостью в стрельбе показал, что по качеству он во многом не уступает немецкому.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.